

© 2019 г.

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ

СЕЛЬСКИЕ МИРЫ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

ВИНОГРАДСКИЙ Валерий Георгиевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия (vgrape47@yandex.ru).

Аннотация. В статье содержится попытка обоснования исследовательской проекции, которая может оказаться уместной при изучении социально-экономических и культурных практик сельских жителей, а также исторических судеб сельских сообществ. Автор формулирует ответы на следующие вопросы. Что означает понятийная связка «сельский мир»? Как соотносятся «община» и «сельский мир»? Как эволюционировали дискурсивные модели понимания мира в различных исторических источниках? Насколько результативно использование понятия «сельские миры» в качестве операционального в ходе наблюдения и анализа состояния и эволюции крестьянского повседневного существования? Обсуждение этих вопросов иллюстрируется попыткой социологической реконструкции сельских миров Русского Севера, которые автор изучал в рамках крестьяноведческого проекта. В статье представлены подлинные голоса крестьян, в которых так или иначе проступают ключевые характеристики сельских миров.

Ключевые слова: община • сельский мир • социально-экономические практики • мир как сумма вещей • мир как настроение согласия • деревня как мир • устные истории • сельская повседневность • эволюция сельских миров

DOI: 10.31857/S013216250004948-5

«Крестьянская община есть мир. Мир не в смысле Вселенной и не в смысле отсутствия войны. Старое значение «мира» нами практически утрачено» [Васев, 2013: 38]. Похоже, автор поторопился с заключением. И не смешаны ли здесь слова и вещи, – особенно в отношении семантики понятия «мир»? Уникальность русского языка в том, что он соединяет два основных значения «мира» в их смысловой полноте: мир как отсутствие вражды, спокойствие и согласие и мир в значении «свет», «космос». Улаженный, благоустроенный человеческий мир, мир как связанное согласное целое, «мир» различных, не спорящих частей. Л.Н. Толстой в заглавии своего романа имеет в виду мир в обоих значениях слова. Но всего отчетливей выявляется полнота «мира» в понятии крестьянского мира, сельской общины. Это одновременно и «все люди», село как малая вселенная, и мирное, согласное сообщество деревенских людей [Бочаров, 1985: 232].

Сельский «мир» – позавчера и вчера. Итак, «мир» – это обобщающее, точное обозначение крестьянской общины. Община – это деревенский организационно-хозяйственный и распорядительно-регулирующий институт, классический гемайншафтный феномен,

воплощенный в сетевой архитектуре человеческих связей, отношений, взаимодействий, ожиданий и надежд, пронизывающих любое человеческое общежитие, в том числе сельскую общину. Как выглядит «сельский мир»? Обратимся к трем одновременным первоисточникам. Самый ранний (1872–1887) – письма «Из деревни» А.Н. Энгельгардта [Энгельгардт, 1999]. Приведу некоторые фрагменты, где появляется «мир». «По душам, значит, разложили, – с кого меру овса, с кого мерку ячменя, с кого ржи – **мир** раскладывал» [Энгельгардт, 1999: 114]. «Против **миру** не пойдешь...» [там же: 115]. «**Мирская** помощь кусочками – право, отличная помощь. Тут не спрашивают: кто? что? зачем? почему? Подают “всем”, молча, не залезая в душу. Надета холщовая сума, – значит, **по миру** собираются. Если бы не было **мирской** помощи кусочками, то многие солдати давно бы с голоду померли» [там же: 206]. «Напишите ему поклон от братца Фоки Леонтьевича с супругой... **Мир** посылает поклон и три рубля денег от мира: от всех домохозяинов, значит» [там же: 211]. «По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только **мир** да царь думают обо всех, только **мир** да царь не эгоисты» [там же: 402].

Энгельгардтовский сельский «мир» разнообразен. Он предстает и как (1) крестьянский сход, «раскладывающий» меру предоставления «лучшего хлеба в казну». Мир открывается и как (2) трофическая ниша, не дающая сгнить человеку, – «мирской» страховочный ресурс открыт и равнодоступен. Мир оборачивается и в виде (3) интересубъективной воли, против которой «не пойдешь», и в качестве (4) благотворительной институции, и материально, и морально поддерживающей деревенского рекрута, посылая парню рубли и «поклоны». Мир, наконец, выступает и как (5) высшая нравственная инстанция, в лоне которой эгоистические инстинкты отдельных субъектов гаснут и конвертируются в настроение мирного согласия. Последний пункт особенно красноречив. «Мир» обнажает здесь свою сокровенную содержательность – «миру» как симфоническому событию свойственна некая у-тихо-миривающая индукция.

Следующий источник приурочен к рубежу XIX–XX вв. – материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, их первый том «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Костромская и Тверская губернии» [Русские крестьяне..., 2004]. «Мир» систематически всплывает и здесь. «Если кто не примет участия в общих деревенских праздниках, то крестьяне этого соседа считают богоотступником: в **мире** жить – **мирское** и творить» [там же: 81]. «Поведение мужика на сходе резко отличается от поведения его в обычной жизни. На сходе крестьянин чувствует свою силу, он смотрит самонадеянно и смело, хотя бы тут и находилось начальство. **Мир** – великая сила, говорят, – против **мира** не пойдешь. Каждый замурышка делается смелым по отношению к человеку постороннему. Он чувствует, что за ним стоит **мир**. Оскорбить его – значит оскорбить **мир**» [там же: 310]. «Сын, пожелавший отделиться вопреки желанию отца, рискует уйти из дома буквально ни с чем. Если отец станет притеснять, сын может искать защиты у **мира** и просить выдела. **Мир**, обсудивши подробно всё дело, принимая во внимание характер, поведение и работоспособность обеих сторон, решает – есть ли основание к выделу. Решение **мира** является обязательным для той и другой стороны» [там же: 322]. «Крестьянин, когда он один, ведет себя тише и рассуждает основательнее, чем в сборищах, где крестьяне чувствуют в себе как бы стадную силу: мы, мол, **мир!**» [там же: 508]. «Земскому начальнику иногда приходится налагать взыскание на целые селения за так называемые **мирские** попойки. **Мирскими** попойками называется такое пропивание целым обществом денег и водки, которые поступили в доход всего общества от сдачи внаем или аренду какой-либо принадлежащей всему обществу доходной статьи, – мельницы, рыбной ловли, покоса» [там же: 509].

После публикации энгельгардтовских «Писем из деревни» прошло больше четверти века, пришло новое поколение крестьян. Наблюдаем ли мы нечто иное в понимании «мира» русскими крестьянами? Явных семантических сдвигов незаметно. Корневые представления о «мире» дополняются суждениями о нем как об извечной, предзаданной жизненной колее, выход из которой предосудителен и рискован («в мире жить – мирское и творить»). «Мир» до такой степени способен погасить индивидуальность, что сам

превращается в «стадную силу», в «гурт», который, по определению Даля, есть и «стадо скота», и «толпа, ватага». Давящая принудительность «мира» атмосферно заполняет и внутريدворовые мизансцены раздела разросшейся семьи. Что же касается озорных «мирских попок», то их можно рассматривать как безобидные прототипические ростки грядущих неформальных хозяйственно-экономических практик (воровства, приписок, растащивки, кумовства), разросшихся, спустя поколение, в колхозную пору крестьянской жизни, до большого теневого театра, репертуар которого разнообразен – от изобретательности амбарно-складских краж до лихачества моторизованных набегов на зерновые и кормовые поля. Вместе с тем тон высказываний свидетельствует, как и прежде, о настроении согласия, «мира», а также о признании такого настроения как интересубъективной нормы крестьянской повседневности.

Третий источник, где сельский мир дается уже из «первых рук», – устные истории, записанные автором в ходе полевого исследования. Что же имеют в виду крестьяне, когда они касаются тех сторон жизни, о которых трудно сообщить, не употребляя слово «мир»? Вот несколько примеров, отобранных из архива проекта¹, где хранятся сотни устных историй русских крестьян, родившихся в начале XX в. и заставших старую, доколхозную деревню. «Троица у нас – престольный праздник. А вообще Троицу все празднуют. Не то что мы, а весь **мир**. Потому что это – Троица!» (Калининградская область, поселок Разино; Наталья К., 1908 г.р.). «А эта была земля общая, **мирская**» (Саратовская область, деревня Красная Речка; Антонина Т., 1909 г.р.). «Староста деревенский был, но я его не помню. А сходы были какие-то, были. У них там какой-то староста был избран, всем **миром**. Они сход делали, организовывали – как сейчас вон сессию собирают» (Саратовская область, деревня Красная Речка; Любовь Ш., 1911 г.р.). «Вон там Гремяченские земли были, сады. Бабушка пришла в сад, и бык **мирской**, Гремяченский, в саду был. Она его хотела выгнать, а бык ее испрыгал. Она было на дулю (грушевое дерево. – Прим. В.В.) полезла, но он ее сшиб. Не дал ей залезть» (Саратовская область, деревня Гремячка; Антонина С., 1911 г.р.). «А видал ты место на Теплой горе, где сейчас стоит колхозный ток? Вот там были тёпловские **мирские** амбары. Туда приезжали единоличники сыпать свое зерно. Энное количество, страховой запас. Это и называлось "**мирской** амбар". В случае недоурожая или кто бедный – тому дать, понимаешь, семена. Потом, если на следующий год опять урожай, этот **мирской** амбар разбирали, зерно раздавали...» (Саратовская область, село Тепловка; Владимир В., 1905 г.р.). «В Бурасах был базар, каждый вторник. Этот день назывался так: "**всему миру** свидание". Он, вторник-то, выше считался, чем, понимаешь, воскресенье. Воскресенье-то – это день Богу, это отдых. А вторник – это уже, значит, люди одеваются, собираются. Встреча! Все люди на **миру!**» (Саратовская область, село Тепловка; Владимир В., 1905 г.р.).

Языковая картина потускнела. В канун третьего тысячелетия «мир» как «община» начинает исчезать из крестьянской памяти и крестьянского дискурса (подробнее см.: [Виноградский, 2017]). Исчезать и как лексема, и как образ устроенной и налаженной машины сельской повседневности. Одновременно меркнет живописная картина сетевых «мирских» отношений, опосредствующих любые крестьянские акции, – от хозяйственно-экономических и организационно-управленческих до частных и внутрисемейных. Остаются самые устойчивые «мирские» акциденции – коммуникативно-соседские, торгово-сбытовые, страховые.

Таким образом, «мир», как его понимают крестьяне конца XX века, – это локальный микрокосмос, куда включены и отдельные люди, и семьи, и соседи, связанные обязательствами и традицией. Каждый из таких микромиров соотнесен с конкретным поселением, деревней, хутором. Есть и внешний, районный мир, где разворачиваются административные, сервисные, торговые практики. На этом уровне работают более формализованные, требующие документирования и учета, социально-экономические связи. Базовые же элементы мира расстилаются внизу, располагаются в самом основании поселенческой пирамиды. Всмотримся в них.

¹ Общие сведения об этом масштабном исследовании см.: [Рефлексивное крестьяноведение..., 2002].

Свойства сельских миров. Каковы их приметы и контуры? «Сельский мир» не столько номинация, сколько знак чего-то существенного. «Сельский мир» – языковая конструкция, внушающая представление о чем-то завершённом, упорядоченном, надёжном. Это хорошо видели философы: «Для «мира» всегда характерна – пусть даже в самом смутном виде – целостность, «округлость», если не использовать ещё каких-нибудь подходящих на первых порах названий» [Хайдеггер, 2013: 429]. Именно «сельскому миру» присуща та «целостность», которую можно наблюдать в форме инстинктивной самозащищённости, удерживаемой с помощью «оружия слабых» [Скотт, 1996; Scott, 1998]. «Сельскому миру» свойственна отграничивающая протективная «округлость». Сельский мир в своём пространственном существовании – феномен центростремительный, вкруговую «подоткнутый» и по точному, ныне забытому русскому слову, – **ухиченный** [Крылов, 1946: 122–123].

Понятие «мир» истолковывается обычно как сумма вещей, как объём, как множество. «Мир» особенно располагает к тому, чтобы подразумеваемое под ним понимать как наличное, понимать «мир» как сумму частей» [Хайдеггер, 2013: 452]. Это важнейшее свойство мира буквально на виду. Прошлым летом мы спросили жителей одной из кубанских станиц, что такое «сельский мир». Вот два характерных ответа.

«Сельский мир? Да, раньше он был у нас. Так его развалили. Каждая бригада живет сама по себе. Огород – колхозный, большой, поливной – раздербанили по частникам, распахали, прибыль с него дерут. Птичника нету, асфальтового завода нету, утятника нету, кирпичного завода нету, мельницы нету, консервного завода нету, маслобойни нету! Где работать? Какой может быть мир?! Все разрознены, все пораскиданы в разные стороны!» (бытовая колхозница, сейчас школьная техничка).

«Если смотреть в отношении благоустройства, то мы ничуть не отстаем от города. У нас дороги асфальтированы, всё кругом газифицировано, электричество есть, Интернет есть, секции спортивные работают. По благоустройству как в городе. Но вы там, в городе, вышли на улицу, у вас какие насаждения? Липа, елка, вяз, каштан. А у нас сплошь фруктовые деревья – вишня, черешня, груша, орех грецкий. По весне запах акаций, вишни... Но и навозом крепко пахнет. Вы же в городе этого не почувуете» (глава местной администрации).

Как видим, сельский мир рисуется в глазах станичников прежде всего как набор нужных для жизни, привычных вещей. Однако это лишь поверхность мира. На это намекают другие ответы.

«Сельский мир – это когда люди постоянно заняты трудом. В городе как? – отработал восемь часов и свободен. А у нас как? С раннего утра на работу поехал, в бригаду. Вернулся, а здесь свое хозяйство. И человек постоянно занят работой. Это всегда так, в нашей сельской местности» (механизатор).

«Более сплоченные, что ли, здесь люди. Вот, в городе, на лестнице, в подъезде дома ты знаешь всего несколько человек. А у нас, в сельском мире – по работе знаешь всех как родных, в бригаде. И всех их родственников знаешь хорошо, детей, племянников. Соседи... Получается, что здесь живут более сплоченно. У нас даже можно сказать, что не мир, а мирок. Свое хозяйство у каждого, все люди одним занимаются» (работница инкубатора).

Здесь над вещами сельского мира простерто некое его интегральное качество, накрывающее этот мир особенной выстроенностью, улаженностью, предсказуемым согласным покоем. Не исключено, что именно так становится видным существо самого «мира», его целостность. Ж.Т. Тощенко в интереснейшем исследовании проблематики сельских миров описывает принципиальное устройство жизненного мира сельчан в терминах социологии жизни, ухватывающей самое существо событийности. Последняя феноменологически разнообразна, но резюмируется в общей тональности происходящего. Ж.Т. Тощенко формулирует очень четко: «Мир сельчан – это мир не только рациональности, но и мир чувственных и эмоциональных оценок, выраженных в вербальном и/или поведенческом отношении к происходящей действительности. Этот мир отражает всю гамму субъективной характеристики наблюдаемых человеком происходящих общественных процессов и природных явлений». И далее: «Жизненный мир на селе, в большей степени, чем в городе,

реализует выполнение функции координации действий и взаимодействий людей и/или социальных групп. Мир сельчан – это сложный и противоречивый мир человеческого измерения, существования и функционирования их социального потенциала, их возможностей, их восприятия и реакции на происходящие в обществе изменения и отсюда (не)готовность понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым в обществе и государстве преобразованиям» [Смыслы сельской жизни, 2016: 16–17].

Эти выводы, касающиеся сущности сельских жизненных миров, восходят в конечном счете к базовым определениям М. Хайдеггера. «Мир» – это настроение, тон, мелодия (*die Grundweise*) бытия. «Настроение – это некий строй в смысле мелодии, которая не парит над так называемым наличным бытием человека, но задает тон этому бытию, т.е. настраивает и обустроивает “что” и “как” его бытия. Настроения – это то *как*, в соответствии с которым человеку *так-то* и *так-то*» [там же: 116, 117].

Хайдеггер различает «мир как счетную сумму» предметов и «мир как целое» с его настроенческим охватом. Мир как набор вещей подвластен произволу «практической установки», распорядительности. Практическая установка способна освежить дизайн мира, расшевелить его, но не в силах трансформировать его базовую выстроенность. Подлинный мир, особенно мир «сельский», – монотонный, однообразно звучащий, чуждый разноголосице городского мира-дивертизмента – создается настроением, как правило, молчаливым или чуть выговариваемым, вкруговую соединяющим обитателей этого мира. Он упрятан в фоновую мелодию и лишь мелькает в жизненных просветах, прорывается в случайном слове, взгляде, интонации. Это «выскакивающее появление» мира озадачивает, тревожит, заставляет гадать – что это?

«Единство мира таинственно, оно существует не по способу суммы и не по способу пространства и множества. Все-таки на самом деле когда люди говорят, что мир – это все, совокупность всего, они говорят не всерьез» [Бибихин, 2007: 318]. Мир «всерьез» существует как мелодия настроения, как «песня без слов». Как настроение он чаще всего молчит. Попытки его расшевелить, прямая социологическая «наводка» на мир оказываются напрасными. Он не дается в руки предметно – он должен быть почуян, услышан. Его нужно извлекать из тональности повседневной жизни, из «чтения между строк». Попробуем прочесть феноменологию сельских миров Русского Севера, которые довелось наблюдать.

Северный сельский мир: тональности и формы. Запись из полевой тетради участницы крестьяноведческого проекта, работавшей в Пинежском районе Архангельской области (см.: [Ястребинская, 2005]). «Исстари здешние деревни отличались одним богатством – земельными угодьями. Тайги много, а земли и сенокосов мало. Местоположение деревни играло громадную роль в оценке ее достоинств. Деревня Марына Гора расположена на высоком берегу Пинеги, – место солнечное и теплое. Здесь родился хороший хлеб. Но заливные луга, наволоки, были маленькие. Сенокосами крестьян наделяли на противоположном берегу Пинеги. Расположенная рядом деревня Шотова гора имела такие же поля, но и сенокосы были совсем рядом. Кобелево тоже считалась выгодной деревней, особенно ее околок Усть-Покшеньга, где и хлеб родится, и сенокосы рядом» [там же: 65]. Здесь конкретный участок сельского мира очерчен в его предметно-вещном абрисе. А вот тот же самый мир, но взятый как настроение, как тональность (рассказывает Екатерина Богданова из деревни Кобелево Архангельской области)²: «У нас здесь хороше место. Здесь мороз ни разу, считай, не бил. А в Жабье поумирало много мужиков, с голоду. А у нас никто не помер. Народ-то из Жабья ходил к нам, выменивал хлеб. Жабей что? Там мороз бьет картошку и всё. У нас как? Мы жнем жито от реки. Это зелено, но всё отойдет. У нас, етта, – не било морозом. А в Жабье морозом всё бьёт! И жито, и картошку, беда! А у нас от реки Пинеги тепло, испарение. И мороз нисколь не заденет. А Жабье и Лохново заденет. Как, вот, раньше разбиралися? – ты была бы у отца, он бы тебя в

² Первоначальную аналитическую проработку материалов, характеризующих сельские миры России, см.: [Виноградский, 1996]).

Лохново не отдал. Скажет: "Мёрзло гнездо, замерзнешь там!" А в Кротово отдал бы – там хороша земля! Жабей-деревню не хвалили раньше: там мороз. Сена там худы. В Жабье, в Земцове за сеном надо на телеге трястись, а у нас всё здесь рядом – и, ох, как хорошо!..»

На первый взгляд, бабушка Катя, рассказывая о Кобелево, а также о Жабей, Земцове, Кротово, имеет в виду удачные микроклиматические характеристики именно деревни Кобелево. Однако из драматургии этого повествования видно, что чисто метеорологические кондиции разных краешков деревенского жизненного пространства в сознании рассказчицы чуть ли не автоматически конвертируются в то, что можно назвать *репутацией мира*. То есть в то, чем именно этот деревенский микромир среди других, подобных ему, *славен*, как именно он *слывет*. Русский язык являет здесь свою выразительную мощь. *Славиться, слыть* – глаголы звука, голоса, разглашения. Они указывают на тональность данного мира, схватывают его настроение. А определение «мёрзло гнездо» точно характеризует неполную степень его огороженности, защищенности и житейской надежности.

На миниатюрном участке северной русской земли существуют несколько разных сельских миров. В отличие от мира Кобелево, сельский мир Жабья накрыт монотонной, «долгоиграющей» музыкой сомнения, настраивающей жителя на терпеливую выносливость, на смирение, на упование просветов. Рациональный «разбор» матримониальных резонансов молодой крестьянки, решающей, куда ей идти замуж, свидетельствует о широте крестьянского взгляда на сущее, о полагании сельского мира как многослойной феноменологической конструкции, резюмирующейся не в сумме вещей, а именно в настроении. Именно оно, вобравшее в себя весь объем местного жизненного опыта, формирует и повседневное бытование, и дальнейшую участь северной деревеньки.

Сельский мир, рассматриваемый как настроение согласия (равно как и отсутствия согласия), развернут поверх крестьянских дворов, связанных многообразными отношениями. Село, в отличие от города, – густая сеть соседских связей, создающих особый настроенческий климат. О значении соседских отношений говорил усть-медведицкий казак Софрон Любимов (Атамановка Волгоградской области)³: «*Есть такая пословица: "Сосед – это семьянин!" Если чуть что надо, соседи просят: "Ты посматривай тут, в случае чего..." Вот оно и сейчас так же: если куда-то отъезжаем, то замок замком, а соседский догляд нужен. Черт-те знает, что может случиться, если за домом не приглядывать!*» И хотя Софрон Иванович говорит здесь лишь о необходимости постоянного соседского «догляда» за домом, постройками, скотиной, то общая широкая взаимораскрытость крестьянских дворов как относительно автономных жизненных миров и укладов – это норма деревенской повседневности.

Как выглядит сельский мир северной деревни в проекции отношений соседства? Сердцевинной доколхозной сельского мира выступала система совместных крестьянских действий по распределению главного «инструмента выживания» двора – земли. Рассказчики хорошо помнят обстоятельства и детали наделения семейного хозяйства землей. В этой сосредоточенности светится коренное свойства крестьянской природы и всего сельского мира – стремление распоряжаться обозримыми и посильными для хозяйственного присвоения природными ресурсами. В крестьянских рассказах слышится подлинный «азарт владения». Он формирует «основострой» (М. Хайдеггер) мира крестьянина. Рассказы деревенских стариков точны предметно» и проникнуты особой эмоциональностью.

«Пахотной земли было мало. Я помню, как землей менялись, делились. Тут вот Дюков наволол: тот конец этот год ставят наши, а потом другие. Через год меняли. Душник был. У тебя две, а у тебя, скажем, три души было, а у другого – пять душ. Размеряли на всех. Если мальчик родился, прибавляли. Раз в десять лет, потом почаще, через пять. Бывало, соберутся наши летом на улице. Список, душник. Палка одна – одна душа. Палка – не полтора и не два метра, а побольше, – называлась душник. Если на сей год ты первый получал, то на следующий год будешь последний получать свою долю – передвигались. Колесом все шло...» (Кобелево Архангельской области; Попов).

³Здесь и далее приводятся архивные материалы проекта.

Перед нами не что иное, как сельский мир в его функциональном, процессуально-деятельностном развороте. Общинный, «мирской» передел земли технологически выверен годами, и поэтому «мирен» и успокоительно надежен. Разумеется, порой общинные организационно-хозяйственные процедуры выглядели иначе. Вот наблюдение А.Н. Энгельгардта, который, в сущности, описывает ту же мизансцену, что и архангельский крестьянин Попов, но как различно демонстрируют себя здесь сельские миры. «Я уже говорил в моих письмах, что мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не поймем. Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел произведен математически точно – и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, все принято в расчет, что счет сведен верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей, убежден в верности раздела. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть хоть один сомневающийся. То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются – вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг ввернет слово – одно только слово, восклицание, – и этим словом, этим восклицанием перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, установлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное» [Энгельгардт, 1999: 209].

Здесь мир схвачен в его порождающем движении. Вначале профессор Энгельгардт, погруженный в общую атмосферу крестьянского схода – взбалмошную, скандальную, утомляющую потоком спонтанных эмоций – искренне недоумевает и чуть ли не отчаивается. Но в последних строках он с облегчением схватывает основную феноменологическую приметку сельского мира, видит его главное свойство – итоговую тишину, согласную тональность поземельной общины. На наших глазах община не просто метафорически именуется «миром», а предметно оборачивается им. Наблюдая крестьянскую повседневность как сельский мир, рассматривая деревенскую феноменологию сквозь фильтр «мира» как настроения, как тональности согласной тишины, мы переходим в весьма информативный аналитический регистр. Исторические судьбы деревни предстают в новом, необычном свете.

В деревенской повседневности нередко возникают экстремальные обстоятельства, осложняющие жизненные практики крестьянской семьи (неуправка, скудость запасов, пожар, падеж, смерть кормильца). В этих ситуациях сельский мир оказывал упавшему хозяйству серьезную, порой бескорыстную помощь. Подобные акции были нормой и необходимым условием выживания как двора, так и сельского мира в целом. Разумеется, эти действия отягощают мир, отнимают у односельчан силы и средства, но одновременно выступают как диктующий камертон «мирского» настроения.

«Когда я на Романово жила, то, помню, жили деревней дружно. Друг другу помогали и навоз вывезти, и дом построить. Бедным, которым картошки, хлеба до следующего урожая не хватает, обязательно дадут займы. Если тебе сеяться нечем, то обсеют тебя: получишь, отдашь. А здесь, в Леонтьевщина, я по соседству равнодушно жила» (Леонтьевщина Вологодской области; Кузнецова). «Равнодушно жила...». Сказано точно. «По соседству равнодушие» Леонтьевщины (равнодушие, которое тоже есть мир), по сравнению с «дружностью» деревни Романово – это ни что иное как разные настроения, разные тональности двух сельских миров.

Начиная с 1930-х гг., сельский мир как настроение стал во многом опосредствоваться колхозными порядками. Но гравитация общины не упала. Галдеж общинных, «мирских» сходов, описанный Энгельгардтом, перешел и в обстановку колхозных собраний. Сохранились важные хозяйственные привычки. В изменившихся условиях упорно возобновлялось настроение старого сельского мира, «прах» которого не был дочиста «отряхнут».

Врезанный в крестьянскую генетическую память, рисунок междворовых связей проступал в системе актов взаимопомощи и взаимовыручки. В сельском мире звучала тональность открытости, безотказной готовности к помощи, мягкой расчётливости в процедурах определения и возврата трудового и финансового вклада соседей в твою нужду.

«Народ очень бережливый был друг к другу. Вот я живу, и у меня посев есть. И я подговариваю женщин выжать поле. Прибежут человек полдесяток у меня. Пожнут у меня. И надо их вином угощать. За помощь – только угощение. А если дом строить, то каждый сам себе строит. Вот если мне надо, то поможет сосед. А вот еще лес-от худо давали. Давали девять-десять деревьев бесплатно. Кому надь строиться, то я беру у соседа, опять на другой год отдаю! Каждый год так. Бесплатно. А строить помогали родственники. Соседей приглашали, но только за деньги. Ведь раньше дешево все было! [смеется]» (Кобелево Архангельской области; Богданова).

Колхозный строй, упростив кинематику соседских отношений и распорядительно их опосредствовав, все же не смог регламентировать мощную тягу субъектов сельского мира к прямому, неформальному, оздоравливающему психологический климат деревни, общению.

«– А когда вы были молодым, были в деревне праздничные гулянья?»

– Да, были! Жили мы, вроде, неважно, а люди не горевали. Общались больше, чем сейчас. Сейчас люди не только общение, а и свою-то родню порой забудут. Жили в недостатке, а праздники проводили: и Богородицу, и Николу, и советские. Всё отмечали. Собираются и обед в колхозе сделают. Каждый свое несет на стол – у кого что есть. Пиво варили. Общественных пивоварен уже не было, так по домам варили. Колхоз что-нибудь немножко выделит: мяса, там, даст на праздник. Теленка зарежут...

– А где собирались?»

– А у кого изба побольше, да где семья поменьше, да чтобы хозяйка организовать сумела. И проводили очень весело. Во время войны мы жили в лесу, я на лесозаготовках жил. В 1945 году я жил – карточки, хлеба нет, но мы не горевали, весело жили. Только пятьсот граммов хлеба давали. Никаких приварков не давали! Придешь, поешь, что есть покушать, и обязательно идешь в клуб. Собираются все и поют, и пляшут. Ежедневно ведь так, понимаешь, ежедневно! И в лесу, и в деревне. Если в клуб не пошли, вечерянку такую устроят в бараче где-то. Там опять что-нибудь чудим. Жили дружно, хорошо. Пели и чудили! Жизнь текла интересно...» (Кобелево Архангельской области; Козьмин).

Говоря о том, что мы именуем «сельским миром», респонденты пребывали в настроении печальной хрононостальгии. Крестьяне сообщали, по существу, о распаде моральных установок, об утрате традиций полнокровного соседского общения и взаимопомощи, о завистливости и неприязни, о том, что все это буквально на глазах становится нормой сельского мира как настроения. В негативизме крестьянских оценок отношений, характерных для сельских миров конца XX столетия, прорисовывается не столько реальный мир, сколько состояние сознания сельчан, оказавшихся в ненормальной для традиционного сельского мира социально-экономической ситуации. И деревенские старики хорошо понимают, что из этой ситуации им уже не выбиться, их жизненный ресурс на последнем рубеже. Тревожатся они за судьбу детей и внуков. Отсюда и непрестанные срывы в невротическую раздраженность, и намеренное приукрашивание минувших жизненных порядков, и простодушный мальчишеский эскапизм, и старческая оторопь перед жесткой новизной рынка. Однако громче других звучит мотив разобщенности, противопоставленности, разорванности соседских и внутридеревенских связей.

«Сейчас пришли с работы и сразу все на замки замкнулись. Каждый в своем кутке сидит. И каждый старается друг друга сгрызти! Раньше жили духовно намного богаче. Связи между людьми были лучше. А сейчас как-то разобщенно, враздробь живем» (Кобелево Архангельской области; Козьмин).

Крестьянское семейное хозяйство хорошо работает тогда, когда оно открыто внешне-миру, когда в нем нуждаются. Когда же оно направлено на путь самовыживания, когда оно игнорируется властями как самостоятельная производственная единица, – неизбежны

«выбросы» инстинктивного негативизма в форме воровства, равнодушия к бедам соседей, яростных словесных перепалок и рукоприкладства.

«Раньше народ очень бережливый был друг к другу. У нас ведь не было замков, никогда. Давно ли замки появились? А то ведь уходишь, поставь палочку на крыльцо поперек – и всё! Никто ничего не возьмет, не тронет. А сейчас дома сидим и засовом заложились! У меня вот позавчера картошку утащили – сломали все двери. Банку трехлитровую огурцов унесли, трехлитровую же грибов. А я их для сына берегла. Он работает главврачом в поликлинике, в Новгороде. Думала, угощу его... Прошлый-то год не было грибов: одну, маленькую, баночку съели, а вторую, побольше, берегли. Так унесли все! И не знай кто...» (Кобелево Архангельской области; Богданова).

В поисках новых сельских миров. Такова общая картина. Разумеется, она, как любая реконструкция, верна лишь приблизительно. Но все же ее основные детали указывают на некие существенные сдвиги, происшедшие в российских сельских мирах кануна третьего тысячелетия. А именно: человеческие связи рвутся, распадаются. И в труде, и в соседском общении, и в быту. Что же приходит на их место? И что может прийти? Какие настроения вызревают, чтобы тональность сельских миров зазвучала с очередной, неважно какой, определенностью. Будущее покажет. А пока же крестьяне сами дают нехитрый русский ремонт своим утомленным жизнью душам. Хорошо сказала на этот счет сибирская бабушка. *«Сейчас – нехорошая жизнь! Сейчас все чего-то дожидаем плохого. Кабы не было этого проклятого телевизора, так меньше слышали бы про плохое!.. Сейчас старух много в селе. Сидим, сидим, да кто-нибудь возьмет и догадается: “Давайте складёмся да выпьем!..” Тотчас одного за водкой посылаем, а другие бегут до дома за стряпками. Вот так и живем, так и дружим...»* (Александровка Алтайского края; Беза).

Логика предполагает, что следующий аналитический шаг должен быть нацелен на реконструкцию сельских миров, складывающихся сегодня, в первой четверти XXI в. Социологический материал для этой научной акции постепенно накапливается. Делать это трудно, но уже самые первые наблюдения удивляют – появилось нечто новое. Крохотным, одним из немногих, но все же явным намеком на новые состояния сельских миров может послужить даже не рассказ, а импрессия одной из наших информанток, записанный летом 2018 г. на Кубани. Интересно, что динамика изменений сельского мира схватывается здесь через язык, через его тон и мелодию. А ведь именно язык только и дает слово миру.

«...из-за того, что станица в последние годы наехалась чужими, начал слышаться другой говор. Теперь русский говор слышен очень часто. И дети стали разговаривать на русском языке, даже чисто станичные дети. И даже если в станицу выйти, прислушаться – балакают, конечно, но... уже не слышно той вульгарности, того мата, что раньше был, при колхозе. Культурнее стала станица, спокойнее, что ли... Гонор кубанский как-то стихился... Молодежь уехала, коренные как-то притихли. Мне кажется, что станица спокойная стала, – не такая вздернутая, как раньше. Тогда никому слова не скажи, все ходили, кричали друг на друга, кто кого перекричит... Люди как-то попритирались дружка к дружке. Даже и приезжие... Вот, одни приехали. Я не знаю, кто они такие. Их трое. Но ни скандала, ничего от них не слышно. Правда, заросли они бурьяном по самый забор. Мы понимаем, – люди недавно приехали, поживут, освоятся, уберут» (Люба, 55 лет, бывшая колхозница).

Мир предстает здесь в его классической размерности, – то есть уже не как набор вещей, уже не в виде колхозной инфраструктуры, разгромленной и забытой, и не в штатном расписании крестьянских должностей (тракторист, кормач, доярка), сузившимся до считанных единиц, а как непривычная для слуха мелодия жизни, как обступающее настроение, заведомо позитивно развернутое к людям, в том числе и чужакам.

Разумеется, это только намеки и слабые сигналы. Неизвестно, растут или развернутся они. Предвидя вероятные познавательные срывы – как-никак, нынешние сельские миры есть сложная комбинация «уходящей природы» и проблесков непонятной, плавающей новизны – мы все-таки рассчитываем на позитивный результат. Поскольку при его истолковании мы всякий раз будем стараться удерживать в сознании печальную,

тревожную, и вместе с тем исполненную загадочно-непонятного, но обнадеживающего предчувствия, философскую максиму, сформулированную на последних страницах книги под названием «Мир». «Откуда теперь целый спасенный мир? Разве он не пошатнулся окончательно, разве мир как он есть в своем существе не безвозвратно упущен? Мы упустили мир, не могли его не упустить – но и не вправе его упускать. Единственной возможностью для нас остается не упускать его отсутствия. Допустить мир для нас теперь значит – не упустить его из виду как уже упущенный, не смириться с его отсутствием. Человека без мира нет» [Бибихин, 2007: 181–182]. Равно как и мира нет и не будет без человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бибихин В.В. Мир. СПб.: Наука, 2007.
- Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985.
- Васев И.Н. Русская крестьянская община как альтернатива концепции гражданского общества // История государства и права. 2013. № 7. С. 35–38.
- Виноградский В.Г. «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М.: Дело, 2017.
- Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 3–76.
- Крылов И.А. Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1946. Т. 3.
- Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Федер. агентство по культуре и кинематографии, Рос. этногр. музей; [Науч. ред.: Д.А. Баранов, А.В. Коновалов; Сост. И.И. Шангина]. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. 1.
- Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение, 1996: теория, история, современность: ежегодник / Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект-Пресс. 1996. С. 26–59.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
- Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир-конечность-одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013.
- Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. (1872–1887). М.: Наука, 1999.
- Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992–2002. М.: Памятники исторической мысли, 2005.
- Scott J. Seeing Like A State: How Certain Schemes To Improve The Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998.

Статья поступила: 12.07.18. Финальная версия: 25.09.18. Принята к публикации: 12.03.19.

RURAL UNIVERSES: A SOCIOLOGICAL RECONSTRUCTION

VINOGRADSKY V.G.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Valery G. VINOGRADSKY, Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia (vgrape47@yandex.ru).

Acknowledgements. The publication was prepared within the framework of the RFBR-supported scientific project No. 18-011-00029.

Abstract. This article is an attempt to introduce into the scientific sociological dictionary a conceptual connective «rural universe». The author proves that this concept is not synonymous with the denotation «mir», which a hundred years ago meant the Russian peasant community. «Rural universe» is not reduced to the elementary list of material-substantial elements of rural mode of life. «Rural universe», according to the author, is a form of a certain civilization, which always had its own existential foundations in Russia. Based on the philosophical heritage of Martin Heidegger, the author interprets the world as a special mood, which strikes the general tonality of peasant being. The author analyzes this concept and concludes that «rural universe» can't be reduced either to the world of humdrum, or

to the life world, or to a set of identities, or to a particular type of mentality, but is to a certain extent a self-sufficient, relatively independent entity. This approach is argued for in this article with a variety of historiographical and sociological material. «Rural universe» is presented mainly as a supra-personal, supra-individual construct. A separate story of the article is devoted to the analysis of the rural world of the collective-farm era. The mood of the rural universe of the collective-farm era is characterized by a revitalization, ostentatious vivacity, a kind of «loud silence». It was this rural world that became the arena of the coming shadow activity, of the increased blat, of large and small thievery. The article is also of interest as a detailed citation of oral family histories recorded during field sociological studies of peasant Russia.

Keywords: community, rural universe, social and economic practices, the universe as a sum of things, the universe as a mood of harmony, a village as the universe, oral histories, rural humdrum, the evolution of rural universes.

REFERENCES

- Bibikhin V.V. (2007) *Universe*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Bocharov S.G. (1985) *On the Artistic Worlds*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.)
- Engelhardt A.N. (1999) *From the Village. 12 Letters. (1872–1887)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Heidegger M. (2013) *Basic Concepts of Metaphysics. Universe-finiteness-abandonment*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Krylov I.A. (1946) *Complete Works*. Moscow: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. Vol. 3. (In Russ.)
- Reflexive Sociology: A Decade of Studies in Rural Russia*. (2002) Ed. by T. Shanina, A. Nikulina, V. Danilov. Moscow: MVShSEN; ROSSPEN. (In Russ.)
- Russian peasants. A Life. A Mode of Life. Manners: Materials of the «Ethnographic Bureau» of Prince V.N. Tenishev*. (2004) Ministry of Culture and Mass Communications of the Russian Federation, Feder. Agency for Culture and Cinematography, Ros. Ethnogr. Museum; [Scientific. ed.: D.A. Baranov, A.V. Konovalov; Comp. I.I. Shangina]. Saint Petersburg: Delovaya poligrafiya. Vol. 1. (In Russ.)
- Scott J. (1996) *Arms of the Weak: Common Forms of Peasant Resistance*. In: *Peasant, 1996: Theory, History, Contemporary: Yearbook*. Ed. by V.P. Danilova, T. Shanina. Moscow: Aspekt-Press: 26–59. (In Russ.)
- Scott J. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.
- Sense of Rural Life (The Experience of Sociological Analysis)*. (2016) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga. (In Russ.)
- Vasev I.N. (2013) Russian Peasant Community as an Alternative to the Concept of Civil Society. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. No. 7: 35–38. (In Russ.)
- Vinogradsky V.G. (1996) Russian Peasant Household. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 3: 3–76. (In Russ.)
- Vinogradsky V.G. (2017) «Voices from Below»: *Discourses of Rural Humdrum*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Yastrebinskaya G.A. (2005) *The Taiga Village of Kobelevo. History of the Soviet Village in the Voices of the Peasants: 1992–2002*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.)

Received: 12.07.18. Final version: 25.09.18. Accepted: 12.03.19.